

С.Р. МАТВЕЕВ

Сетевой подход как метод исследования интеллектуальной коммуникации*

В статье рассматриваются основные этапы становления и принципы теории социальных сетей (Social network analysis, SNA). Автор анализирует эвристический потенциал данной теории, устанавливает релевантность ее методов исследования по интеллектуальной истории.

Ключевые слова: сеть, анализ социальных сетей, интеллектуалы, интеллектуальная сеть.

The article reconstructs the historical development of a research method known as Social Network Analysis (SNA). The heuristic capability of the method on the basis of intellectual history is analyzed as well.

Keywords: network, social network analysis, intellectuals, intelligent network.

При решении проблемы генезиса сетевого подхода необходимо разделять сети как реальное явление, свойственное человеческому способу существования, и сетевой подход как исследовательскую стратегию, в рамках которой используется идея соответствующей организации общества. Фактически же “социальные сети” появились вместе с возникновением социума, а идея интерпретации взаимодействия людей как коммуникативной сети была сформулирована еще в начале XX в. Подход берет свое начало в основаниях трех дисциплин – социологии (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм), социальной психологии (Д. Морено, Т. Ньюкомб, А. Бейвлас) и социальной антропологии (Дж. Барнз, Э. Ботт, К. Митчелл, А. Радклифф-Браун). Задача настоящей статьи – дать корректное описание основных этапов развития и принципов исследовательской методологии, получившей название “анализ социальных сетей” (Social network analysis, SNA), а также оценить эвристический потенциал этой методологии для работы в поле интеллектуальной истории.

Вопрос о генезисе сетевого подхода остается дискуссионным, что во многом связано с междисциплинарным характером проблемы. Некоторые специалисты склонны искать его истоки в области естественно-научных дисциплин – такая траектория предложена, в частности, в работах создателей теории аутопоэтических систем (У. Матурана, Ф. Варела, Р. Урибе [Матурана, Варела, 2001; Varela, 1999]). Другие исследователи (М. Кастельс, Р. Роуз, М. Фасслер) считают причиной зарождения сетевого подхода информатизацию современного общества и ее воздействие на структуру социального

* В статье использованы результаты проекта “Конструирование прошлого и формы исторической культуры в современных городских пространствах”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в 2014 г.

пространства [Кастельс, 2000]. Кроме того, сеть наделяют онтологическим статусом и считают ее, наряду с общением, фундаментальным феноменом как человеческого бытия, так и человеческого сознания. Например, в прологе работы “Информационная эпоха: экономика, общество и культура” Кастельс, отталкиваясь от идей З. Фрейда, пишет, что «полностью изолированное “Я” кажется безвозвратно потерянным для себя» [Кастельс, 2000]. Таким образом, налицо поиск новой системы связей, построенной вокруг разделяемой идентичности. В размышлениях Кастельса западная индивидуалистическая концепция уступает место представлению о не поддающейся полному контролю социальной связи между людьми. Теория Р. Коллинза также исходит из неявной предпосылки об извечном существовании сетей. Он выстраивает сетевую схему на основе информации о тесных личных связях между крупнейшими философами, начиная со структурной матрицы интеллектуальной жизни в Китае и в Греции [Коллинз, 2002].

SNA: история подхода

В 1902 г. профессор Мичиганского университета Ч. Кули предложил исследовать сферы человеческого общения посредством построения умозрительной модели, где индивид “предстает точкой пересечения неопределенного количества кругов, обозначающих социальные группы, и через него проходит столько же дуг, к скольким группам он принадлежит”. Однако Кули считал, что настоящий подход востребован лишь применительно к “современному обществу”, где жизнь “более разнообразна, чем когда бы то ни было, и это отражается на сознании личности многообразием ее интересов и принадлежностью к самым разным сферам общения” [Кули, 2000, с. 110].

В 1930-е гг. в США исследователи-психологи, медики-эпидемиологи, антропологи и экономисты начали иллюстрировать социальные процессы с помощью социограмм, то есть визуальных диаграмм, в которых отдельные лица представлены в виде точек, а связи между ними – в виде линий. Одним из первых этим начал заниматься основатель социометрии Я. Морено [Moreno, 1934]. Он рассматривал явления социального притяжения и отталкивания между членами групп и искал способы их измерения (см. [Назарчук, 2011, с. 39–51]). Фактически именно его можно считать основателем дисциплины, получившей впоследствии наименование “анализ социальных сетей”. Экономисты использовали новую модель для изучения процессов обмена и анализа товарно-денежных потоков, медики исследовали пути распространения заболеваний.

Анализ социальных сетей получил развитие в структурных исследованиях известного культурного антрополога Радклифф-Брауна. Начиная с 1930-х гг. многие антропологи и социологи стали пользоваться именно его концепцией для определения различий в организации *статичных* традиционных обществ. Новые методы применялись для изучения социальных структур и стратификаций, социальной коммуникации. Радклифф-Браун ввел сетевую терминологию и начал рассматривать общество как “сеть социальных отношений”.

Широкую популярность это направление получило в послевоенный период, когда многие британские социальные антропологи обратили внимание на культурные системы и нормы поведения таких замкнутых групп, как племена или жители одной местности. Понятие “сеть” использовалось в их профессиональной среде как метафора для описания социальной структуры [Radcliffe-Brown, 1940, p. 1–12; Bohannan, 1954]. Основным стал при этом вопрос о воздействии культурной среды на нормы поведения в пределах малых групп. Второй подход позволял создавать модели при описании культурных систем и снижал значение “поведенческого разнообразия” [Wellman, 1988, p. 21]. В 1950–1960-е гг. лидером направления стал Манчестерский университет, где под руководством М. Глубмана, а позже Дж. Митчела стали исследовать процессы урбанизации и миграции, изучавшиеся на материалах общин южной Африки, Индии и Великобритании. Культурно-антропологическое ответвление анализа социальных сетей популярно и сегодня (см. [McMahon, 2013, p. 916–930]).

Ученик Радклифф-Брауна С. Найдел провел важное разделение между структурой и функцией, существенное для понимания принципов современного сетевого анализа. Он предложил определять “структуру общества через конкретную популяцию, поведенческие образцы и сети отношений, получаемые акторами через выполнение их совместных и взаимосвязанных ролей” [Nadel, 1957, p. 12]. Найдел призвал изучать социальные структуры через конфигурацию интерактивных взаимоотношений между людьми, а не просто как статистическое распределение акторов по тем или иным ролям.

Антропологи ощутили потребность в социальной сети как аналитическом инструменте после Второй мировой войны, когда принялись изучать большие потоки мигрантов, покидающих культурно гомогенные общности и поселения. Ученые полагали, что эти мигранты, оставив позади однородное нормативное пространство, попадут в изоляцию и дезорганизуются в “массовом обществе”. Предполагалось, что подобные обстоятельства вызовут у “новых горожан” апатию, отчаяние и приведут к их растворению в “неструктурированных толпах”. Однако вскоре исследователи обнаружили, что мигранты формируют в новом пространстве сильные группы и поддерживают связи со своей малой родиной. Социальные сети мигрантов не только не ослабли, но значительно усилились под воздействием фактора урбанизации [Kornhauser, 1968, p. 58–64].

Начало современной теории анализа социальных сетей было положено на стыке дисциплинарных границ математики и социальных наук. В качестве эффективного математического инструмента для их анализа выступила теория графов. Стоит отметить, что теория графов возникла как раздел дискретной математики и восходит к решению задачи о том как возможно пройти по всем мостам Кенигсберга, не проходя ни один из них дважды, предложенному Л. Эйлером. Математик предложил рассматривать план города как граф, части города (точки соединения линий) как вершины графа, а мосты – как дуги графа. В 1951 г. Р. Соломонофф и А. Рапорт показали, как благодаря построению графов можно определять распространение любых ресурсов (включая информацию), устанавливая социально-экономический статус индивидов, близость и родство (см. [Harrison, 2007, p. 71–74]). В частности, Рапорт представил с помощью графов способы распространения научной информации в школе [Rapoport, 1979, p. 119–164].

Оправдавший себя метод был перенесен в исследования конкретных общественных отношений в западных социальных системах. Понятие “социальная сеть” впервые появилось в 1954 г. в работе преподавателя Манчестерского университета Дж. Барнса “Классы и собрания в норвежском островном приходе”. Размышляя о различиях сельского и городского общества, социолог отметил низкую плотность “социальной сетки” последнего, где “люди имеют меньше общих знакомых” и, встречаясь впервые, “редко могут обнаружить большое количество общих друзей”. Вывод из этого наблюдения очевиден: в малых поселениях степень вероятного взаимодействия возрастает. Этот факт имеет практическое значение при использовании методов социальной антропологии в традиционном обществе, когда актор взаимодействует во всех своих ролях с одним и тем же кругом лиц. В современном же социуме индивид “склонен иметь различную аудиторию для каждой из ролей”, принадлежать к определенному классу [Barnes, 1954, p. 44–45], что создает барьеры и разрывы в связях. Таким образом, построение цельной социальной сети, по мнению Барнса, возможно лишь в традиционном обществе, что в целом противоречит модели, предложенной Кули. Мало того, что понятие сети помогло Барнсу точнее описать социальную структуру деревни, оно оказалось гораздо эффективнее любых нормативных понятий при объяснении таких ключевых социальных процессов, как доступ к работе или к политике (см. [Wellman, 1988, p. 22]).

В конце 1950-х гг. Э. Ботт, работавшая преимущественно в области гендерных исследований, привлекла к понятию “сеть” внимание социологов. Она анализировала плотность сетей, чтобы продемонстрировать наличие в больших английских семьях тенденции к образованию пар с независимыми самостоятельными супругами, свобод-

ными от гендерных ролей [Bott, 1957]. Во многом именно благодаря Ботт понятие “социальная сеть” стало популярным у западных исследователей общества, а связанный с этим понятием метод занял свое место в интеллектуальном арсенале социологов. Начал динамично развиваться сопутствующий терминологический аппарат, появились сочетания “анализ социальных сетей”, “теория социальных сетей”.

Со второй половины XX в. траекторию развития SNA задавали американские ученые. Если говорить языком классической метафизики, британские антропологи двигались от вопросов материи сети к исследованию ее формы, американцы же, напротив, начинали анализ с вопросов формы, которая, по их мнению, репрезентировала образцы отношений в сетях и механизмы их работы. Б. Веллман связывает эту тенденцию с грандиозным влиянием работ Зиммеля, переведенных на английский язык после войны [Simmel, 1955; 1971]. Познакомившись с его аргументами, многие американские социологи пришли к выводу, что форма общественных отношений очень часто определяет содержание. Отталкиваясь от работ Зиммеля, они смогли показать, как размер социальной системы ограничивает индивидуальное поведение [Wellman, 1988, p. 23]. Таким образом, благодаря сочетанию британского эмпиризма с американской склонностью к количественным методам и статистическому анализу, исследовательская рамка анализа социальных сетей существенно расширилась.

Американский интерес к структурной форме стимулировал интенсивную работу по визуальному отображению межличностных связей. Социометры (*sociometrists*) начали использовать диаграммы для изображения межэбонентских отношений в небольших группах [Coleman, 1961] (первые попытки подобных визуализаций, напомним, Морено предпринимал еще в 1930-х гг.). Впоследствии эпидемиологи и специалисты в области информатики начали рассматривать как явления социальной сети процессы распространения болезней и информации [Coleman, Katz, Mongee, 1966; Rogers, Kincaid, 1981]. В это же время в обиход структурных аналитиков вводится словарь элементарной теории графов – области математики, изучающей расположение точек и линий. Средства теории графов привлекаются для того, чтобы описывать динамику социальных систем и выявлять факторы, соединяющие или раскалывающие их [Harary, Norman, Cartwright, 1965; Frank, 1981].

На данном этапе обозначилась проблема визуального изображения сети, поскольку диаграммы выглядели загроможденными, если в сеть входили более десятка участников. Размышляя над этой чисто технической трудностью, некоторые аналитики пришли к использованию матрицы, позволяющей расширить количество членов социальных сетей и типов связи. Преимущество большой сети-матрицы в том, что она позволяет проследить боковые и вертикальные потоки информации, определить ее “входы и выходы” и обнаружить структурные ограничения. Особенно преуспела в этом начинании исследовательская группа Х. Уайта в Гарварде в 1960–1970-х гг. Были написаны соответствующие программы, выполнено множество эмпирических исследований и обучены около ста аспирантов [White, Boorman, Breiger, 1976, p. 80]. Однако у предложенной структуры не было твердого теоретического обоснования и способов дешифровки, вследствие чего исследователи не могли понять, почему разные люди, связанные с одной группой, ведут себя различно [Kapferer, 1972].

Попытки установить максимально широкие границы сети, излишне распространить ее, часто приводят к аналитическому беспорядку. Ограничение метода с этой стороны позволило открыть новую модель – эгоцентрическую (личную) сеть, строящуюся вокруг конкретного человека. Веллман удачно сравнивает такую сеть с Птолемеевым космосом, где центральное место вместо планеты Земля занимает определенный человек. Инструмент взяли на вооружение социологи, чьи исследования личной сети часто совмещались с традиционными методами сбора информации. Например, ученые брали интервью у большого количества людей, напрямую спрашивая о составе их сетей [Wellman, 1988, p. 27, 28].

Сегодня сетевой анализ представляет собой стремительно развивающийся междисциплинарный подход, охватывающий огромные массивы научных изысканий в

различных областях знания – от этнографии до философии. Возникнув в качестве философской идеи, он был развит в процессе “полевых” исследований и сейчас вновь поднимается до уровня высоких абстракций. Уже убедительно доказана адекватность сетевого подхода как для естественно-научной, так и для гуманитарной проблематики. Даже философы признают, что сетевой подход открывает “новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы” и вместе с тем обнаруживает “органичную связь с философским опытом прошлого” [Шенцева, 2012, с. 48].

SNA и интеллектуальная история

Освоению сетевого подхода историками препятствует несколько обстоятельств. Первое из них, формальное, связано с пресловутыми дисциплинарными барьерами, которые замедляют распространение этой теории за пределами социологии. Второе, содержательное, сопряжено с традиционным опасением историков применять нерелевантные их объекту методы. В частности, историки обычно полагают, что использование инструментария, появление которого непосредственно связано с процессами, протекающими в современном обществе, чревато неоправданной модернизацией предметного поля прошлого. Такие опасения имеют серьезные основания, однако чрезмерная осторожность в данном вопросе может привести к архаизации исторического познания. Опыт других социальных и гуманитарных дисциплин, помимо социологии, показал когнитивный потенциал SNA в политической науке (П. Богесон, Р. Родес, Д. Марш, Т. Туунен, Дж. Дэвис [Davies, 1962, p. 5–19]) и даже в философии (Р. Коллинз). Однако сетевой подход до сих пор не получил должного внимания историков, которые могли бы предпринять попытки построения сетей вокруг исторических деятелей различного масштаба, реконструировать методами SNA культурный контекст целых периодов или сочетать сетевой анализ с методами истории идей.

Значительный импульс распространению сетевого подхода в пространстве социальных и гуманитарных наук может дать фундаментальная работа профессора Пенсильванского университета Коллинза. Социолог, используя исторический материал и философские персоналии, произвел методологическую интервенцию в смежные дисциплины. Коллинз заявляет попытку “примерить социологический метод к объяснению фрагментов мировой истории идей”. В основу его работы положена гипотеза о непосредственном социальном влиянии сетевой структуры отношений между интеллектуалами на конструирование идей. Обстоятельства, связанные с общественными классами, экономические и политические факторы исследователь относит на задний план “социальной причинности”, утверждая, что их влияние всегда опосредовано действиями социальных сетей [Коллинз, 2002, с. 32].

Однако теория Коллинза находится за пределами мейнстрима сетевого подхода, что нетрудно обнаружить по отсутствию ссылок на работы пенсильванского профессора в обзорных статьях крупнейших историков SNA Веллмана, Марин и др. Это связано с отказом Коллинза от сложных математических методов, релевантных при достаточном объеме единообразной информации и, следовательно, от механического построения графов. Между тем при отсутствии единообразных паттернов применение графов остается единственным эффективным способом работы с SNA.

В процессе социальной жизни человек взаимодействует с другими людьми. Чаще всего это взаимодействие происходит внутри определенного пространства (племя, община, приход, корпорация, лаборатория и т.д.). Встречи индивидов порождают интерактивные ритуалы. Для интерактивного ритуала необходимо наличие группы, как минимум, из двух человек, находящихся рядом, участники которой фокусируют внимание на одном и том же объекте или действии, а также разделяют общее настроение или эмоцию, вследствие чего усиливается и накапливается взаимный фокус внимания. В результате участники ощущают себя членами группы, имеющими взаимные моральные обязательства; их отношение символизируется всем тем, что служило фокусом внимания во время ритуального взаимодействия, а впоследствии, когда люди используют данные символы в разговоре или мышлении, это безмолвно напоминает

им о групповой принадлежности. Индивиды, участвующие в интерактивных ритуалах, наполняются *эмоциональной энергией* пропорционально интенсивности взаимодействия. Когда эмоциональная энергия угасает, индивиды вновь возвращаются к ритуальному участию, чтобы “подзарядить” себя. Из ритуала индивиды выходят также с запасом эмоционально заряженных символов – *культурным капиталом* [Коллинз, 2002, с. 69–72].

Какое значение имеет понятие интерактивного ритуала для исследования сообществ интеллектуалов? Интеллектуалы представляют собой разновидность изолированного сообщества, в котором постоянно сталкиваются одни и те же люди. Они склонны реифицировать свои символы, как если бы те были конкретными объектами. Интеллектуальные сакральные объекты созданы в обществах, которые распространены широко, но обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными членами, чем с представителями других сообществ, при этом сами интеллектуалы утверждают свое исключительное право посредством размышлений принимать решения о правильности и обоснованности своих идей. Интеллектуалы с гораздо большей рефлексивностью и самоанализом осознают свою групповую идентичность, чем обычные объединения. Интеллектуальная жизнь вращается вокруг ситуаций “лицом к лицу”, поскольку только на этом уровне могут происходить интерактивные ритуалы [Коллинз, 2002, с. 72–73]. Без ритуалов “лицом к лицу” написание текстов и сами идеи никогда не были бы заряжены эмоциональной энергией; тексты и идеи остались бы дюркгеймианскими эмблемами мертвой религии, приверженцы которой никогда не приходят на церемонии.

Историки и философы достаточно активноотреагировали на предложенный подход. Определенный, пусть и весьма умеренный, успех Коллинза связан не только со значительным упрощением методологического инструментария SNA и с отказом от сложных теоретических концептов сетевого анализа, но и с выраженной историчностью его подхода. Во-первых, метод Коллинза предполагает сбор большого количества исторических описаний некоторой области интеллектуального производства, то есть традиционное формирование источниковой и историографической базы. Во-вторых, подход подразумевает ранжирование интеллектуалов в соответствии с долей внимания, полученной ими у современников и в позднейших исторических источниках, хотя ученый не предлагает механизма подобного ранжирования, а рекомендует использовать “некий исторический метод”, не опираясь на собственную интерпретацию культурной значимости авторов. В-третьих, метод подразумевает исследование личных связей между философами с целью определить отношения между учителем и учеником, коллегами, друзьями, противниками, врагами, особенно на ранних “формативных стадиях жизненных карьер”.

На основе информации о связях такого рода предлагается начертить сетевую схему, которая в случае успеха отражает структуру, распространяющуюся в нескольких направлениях: “вертикально” во времени – от одного поколения к другому, “горизонтально” – среди современников. В сетевые схемы включаются и интеллектуалы-отшельники, не имеющие связи с другими представителями сети. Коллинз рекомендует полагаться на исторический материал при решении вопроса о том, кто находится в области культурного производства и насколько близко от центра; поэтому в сравнительных целях мы также нуждаемся в информации о тех, кто находится на периферии или в изоляции [Коллинз, 2002, с. 73]. Ограничивает применение метода сама специфика сетевой схемы, которая может охватить лишь конкретную область культурного производства, локализованную в национальных (или цивилизационных) и дисциплинарных рамках: социальную, естественно-научную мысль, если речь идет о додисциплинарном периоде; историю, социологию, политическую науку, если мы говорим о времени дисциплинарной оформленности знания, и т.д.

Теория Коллинза состоит в том, что в непосредственных личных контактах “повышается интенсивность эмоций”, а внимание сосредоточивается на вполне определенных “центральных спорах” [Коллинз, 2002, с. 34]. Благодаря личным контактам

быстрее происходят сдвиги в аргументации, в связи с чем интеллектуалы, включенные в сети, пользуются преимуществом при осуществлении очередных шагов и формулировании последующих идей, которые и дальше будут удерживать внимание.

Сетевая схема строится на основе широкого круга источников информации. Упоминания в мемуарах позволяют установить центральные фигуры определенной группы. Коллинз предлагал представить себе отдельных людей, которые находятся в поле, и каждый заявляет о своей истине, вступает в спор. Момент, когда кто-то один начинает собирать вокруг себя сторонников, оказывается моментом создания сети. Фактором выбора в такой ситуации может стать наличие социального, политического, интеллектуального или культурного капитала. Информация о членстве в одном объединении позволяет изначально локализовать сеть, а исторические сведения помогают реконструировать иерархию. Личная переписка способствует выявлению подробностей взаимоотношений между корреспондентами и свидетельствует о наличии постоянного контакта. Наконец, ссылки и упоминания – важнейшие показатели интеллектуального лидерства и успешности. Ссылки, обнаруженные в работах интеллектуалов, также примерно указывают на культурный капитал, который был в них использован. Наиболее значительные интеллектуалы – те, чьи работы чаще упоминаются. Их идеи – это “родители” наибольшего числа “потомков”. Такие идеи дают возможность другим людям делать собственные утверждения.

“Внешние” социальные условия (исторический контекст) важны лишь настолько, насколько позволяют устанавливать социальные основы для целых сетей, задавать рамки. Поэтому необходимо изучать те материальные и политические организации, которые позволяют людям посвятить себя культурному производству: церковь, государство, меценатов или другие факторы, дающие средства к существованию авторов и несущие материальные издержки интеллектуального производства. Коллинз говорит о “двушаговой социальной причинности интеллектуального производства”: изменения в экономических и политических условиях имеют свои культурные последствия, но не потому, что они прямо производят идеологии, отражающие соответствующие крупные экономические и политические интересы, а потому, что данные изменения открывают возможности для новых ветвлений социальных сетей интеллектуалов или вообще прекращают поддержку других сетевых ветвей. При изменении материальных условий сети реорганизуются, и *существует от трех до шести позиций, которые могут быть успешными в пространстве социальной сети*. Создание новых материальных основ позволяет формировать новые позиции, часто разрушая прежние. Количественные ограничения, наложенные Коллинзом, устраняют проблему загроможденности визуального изображения, однако носят волюнтаристский характер и имеют спорное обоснование в так называемом “законе малых чисел”¹.

Можно отметить некоторые слабые стороны методов и теории Коллинза. Во-первых, социолог не придает должного значения традиционному способу распространения идей и идейных влияний посредством чтения и ссылок, что могло бы сэкономить усилия и определить реальных наставников, а не формальных “учителей”. Тем не менее не вызывает сомнений, что огромное количество индивидов обладают доступом к уже имеющемуся культурному капиталу, позволяющему формулировать новые идеи. Однако лишь немногие попадают в “пространство внимания”, которое обеспечивает им сеть и включенные в нее “наставники”. Во-вторых, Коллинз произвольно утверждает, что в конкуренции за “ограниченное пространство внимания” лишь немногие способны конвертировать культурный капитал в создание новых идей [Коллинз, 2002, с. 34]. Однако исследователь не объясняет, как это связано с включенностью или невключенностью в сеть. В-третьих, как следствие, утрачивают значение опосредованные контакты, накапливающиеся на протяжении нескольких звеньев как вертикальных, так и горизонтальных цепочек. В-четвертых, динамика сетей связывается лишь

¹ Согласно Д. Прайсу, число шансов произвести большое количество статей обратно пропорционально квадрату общего количества авторов; таким образом, количество ученых, которые производят очень большое число статей, ничтожно мало.

с экономической поддержкой или ее отсутствием, личные же связи в рассмотрении этой проблемы отодвигаются на второй план. Однако именно межличностные взаимоотношения и конфликты зачастую оказывали решающее воздействие на ситуативное принятие решений о разрыве связей учеников с учителями, между соратниками или внутри школы. Решения эти часто вовсе не подкреплялись материальной целесообразностью. В-пятых, Коллинз утверждает, что интеллектуалы производят деконтекстуализированные идеи, которые “верны и значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, примет ли их кто-либо на практике” [Коллинз, 2002, с. 65]. Тем самым *a priori* отрицается “интеллектуальность” позитивистски ориентированных исследователей или политических философов, чьи идеи напрямую связаны с эмпирическим или историческим контекстом.

Специфика исторических источников предопределяет возможную нестабильность сетевых схем, построенных по методу Коллинза. И хотя это обстоятельство не является проблемой исключительно сетевого подхода, оно заставляет еще раз задуматься о глубине современных теорий при работе с историческим материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
- Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
- Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М., 2001.
- Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1.
- Шенцева Е.А.* Сетевой подход в контексте философского дискурса // Вопросы философии. 2012. № 8.
- Barnes J.A.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. Vol. 1.
- Bohannan P.* Tiv Farm and Settlement. Colonial Research Studies. 1954. № 15.
- Bott E.* Family and Social Network. London, 1957.
- Coleman J.S.* Adolescent Society. New York, 1961.
- Coleman J.S., Katz E., Menzel H.* Medical Innovation: a Diffusion Study. Indianapolis, 1966.
- Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 2.
- Frank O.* A Survey of Statistical Methods for Graph Analysis // Samuel Leinhardt. Sociological Methodology. San Francisco, 1981.
- Harary F., Norman R., Cartwright D.* Structural Models. New York, 1965.
- Harrison W.* Identity and Control: a Structural Theory of Social Action. Princeton, 2007.
- Kapferer B.* Strategy and Transaction in an African Factory. Manchester, 1972.
- Kornhauser W.* Mass Society. International Encyclopedia of the Social Sciences. 1968. Vol. 10.
- McMahon E.* Networked Family: Defining Kinship in Emancipated Slave Wills on Pemba Island // Journal of Social History. 2013. Vol. 46. № 4.
- Moreno J.L.* Who Shall Survive? New York, 1934.
- Nadel S.F.* The Study of Social Structure. London, 1957.
- Radcliffe-Brown A.R.* On Social Structure // Journal of the Royal Anthropological Society of Great Britain and Ireland. 1940. № 70.
- Rapoport A.* Some Problems Relating to Randomly Constructed Biased Networks // Perspectives on Social Network Research. New York, 1979.
- Rogers E., Kincaid D.L.* Communication Networks: Toward a New Paradigm for Research. New York, 1981.
- Simmel G.* Group Expansion and the Development of Individuality. Chicago, 1971.
- Simmel G.* The Web of Group Affiliations. Glencoe, 1955.
- Varela F.* Ethical Know-How: Action, Wisdom and Cognition. Stanford, 1999.
- Wellman B.* Structural Analysis: from Method and Metaphor to Theory and Substance // Social Structures: a Network Approach. Cambridge, 1988.
- White H.C., Boorman S.A., Breiger R.L.* Social Structure from Multiple Networks: Blockmodels of Roles and Positions // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 1.